

Анди потребовалось некоторое время, чтобы успокоиться после эмоциональной реакции на откровения о сестре, но даже после этого она провела ещё полчаса, глядя на дерево сестры, а Аннабет молча наблюдала за её бдением. Она поблагодарила блондинку, когда они расстались, покинув холм, и Аннабет побежала к арене, чтобы объяснить своё опоздание на тренировку, а Анди просто бродила по лагерю, наблюдая за повседневной жизнью других обитателей лагеря. Она прошла мимо кузницы (которая, судя по звукам, больше походила на оружейную мастерскую, чем на что-либо другое), мимо комнаты ремесел, где сатиры обрабатывали песком гигантский мраморный бюст другого сатира, Пана, как она помнила, и, наконец, мимо стены для скалолазания (ну, стены, отметила она про себя). Она действительно состояла из двух смежных стен, которые сильно тряслись, роняли валуны, брызгали лавой и вообще разбивались друг о друга, если скалолазы были слишком медлительны.

Последняя стена показалась ей самой интересной, отметила она, сидя перед своей хижинкой после небольшой экскурсии. Она как раз составляла список развлечений, которые хотела бы повторить в первую очередь, когда запах барбекю, доносящийся откуда-то неподалеку, вывел её из задумчивости. Она потеряла урчащий живот - она не ела весь день, да и вообще последние несколько дней. Вдалеке прозвучал горн, и она заметила, что все выходят из своих домиков.

"Наверное, пора ужинать", - подумала она, встала и пошла в том направлении, куда направлялись все остальные. Она вошла в хижину Деметры, и Кэти любезно сообщила ей, что её усадят за её собственный стол, стол номер один, который находился недалеко от входа в павильон.

Они пошли вверх по холму к павильону столовой. Сатиры присоединились к отдыхающим с луга. Наяды вышли из озера на каноэ. Еще несколько девочек вышли из деревьев, как будто они были их частью. Анди предположила, что это были дриады.

Всего в лагере было около сотни человек, несколько десятков сатиров и дюжина разнообразных лесных нимф и наяд.

В павильоне вокруг мраморных колонн горели факелы. Центральный костер горел в бронзовом мангале размером с ванну. В каждой каюте стоял свой стол, покрытый белой тканью с пурпурной отделкой. Три стола были пусты, но в одиннадцатой каюте было очень тесно. Анди видела, как Перси приходится прижиматься к краю скамьи, когда половина его задницы свисает вниз. Это должно было быть неудобно.

А она сама? Ну, она сидела за её собственным большим столом, в полном одиночестве... радость.

Она увидела Гровера, сидящего за двенадцатым столом с мистером Ди, несколькими сатирами и парой пухлых светловолосых мальчиков, похожих на мистера Ди; Хирон стоял в стороне - стол для пикника был слишком мал для кентавра.

Аннабет сидела за шестым столом с группой серьёзно выглядящих спортивных ребят, у всех её серые глаза и медово-светлые волосы.

Кларисса сидела перед ней за столом Ареса. Она смеялась и отрывала вместе с её друзьями. Анди сморщила нос от такого грубого поведения.

Наконец, когда все прибыли, Хирон стукнул копытом по мраморному полу павильона, и все замолчали. Он поднял бокал. "За богов!"

Все остальные подняли свои бокалы. "За богов!"

Лесные нимфы вышли вперед с тарелками еды: виноград, яблоки, клубника, сыр, свежий хлеб и барбекю. Бокал небесного ребенка был пуст, но Кэти, сидевшая чуть поодаль, сказала: "Говорите. Все, что хочешь, только без алкоголя".

Анди ухмыльнулась: значит, чашки тоже заколдованные? "Сливочное пиво". сказала она, и волшебный гладкий ирисовый напиток наполнил чашку, но девочка-волшебница хмыкнула с авантюрным выражением в глазах: "Сделай его гриффиндорским красным, с золотыми хлопьями". добавила она с задорной ухмылкой, и прохладная жидкость изменила цвет на заявленный. Она сделала глоток и облизнула губы, чувствуя себя немного как дома после употребления знакомого напитка.

Анди наложила себе в тарелку и уже собиралась покончить с урчанием в животе, когда заметила, что все встают и несут свои тарелки к костру в центре павильона. Она поинтересовалась, в чем дело, но решила следовать за своей тарелкой, всё ещё не привыкнув к здешним традициям.

Кэти объяснила, что они предлагают порции своей еды богам, обычно своему божественному родителю, в огненной яме.

Видимо, им нравился запах гари.

Она действительно начинала любить Кэти. Дочь Деметры была такой отзывчивой. Хотя девочка внутренне пожала плечами, услышав о сжигании вполне хорошей еды в качестве подношения, она слышала и о более странных вещах. Так почему бы и нет?

Когда подошла её очередь, Анди взяла буханку свежего хлеба, тающего в масле, и сказала: "Зевс".

Когда Анди почувствовала запах дыма, у нее, на удивление, не возникло рвотных позывов.

Он совсем не пах горячей едой. Он пах теплым сидром, стейком на гриле и свежими лилиями, а также сотней других приятных вещей, которые не должны были бы сочетаться друг с другом, но сочетались. Почувствовав этот запах, она могла поверить, что боги живут только этим удивительным ароматом.

Когда все вернулись на свои места и закончили есть, Хирон снова стукнул копытом, привлекая их внимание.

Мистер Ди встал с огромным вздохом. "Поприветствуем Вас и всех остальных. Итак, "Захват флага" состоится завтра вечером, так что наточите свои клинки и не забудьте использовать острый конец на других людях, а не на себе". Он бросил взгляд на первый стол: "Также я должен сказать Вам, что еще один наш новый турист наконец-то решил украсить павильон. Аманда Поттс".

Хирон что-то пробормотал.

"Э-э, Анди Поттер", - поправил мистер Ди. "Правильно. Ура, и все такое. А теперь бегите к своему глупому костру. Вперед!"

Все одобрительно закивали. Все направились к амфитеатру, где в хижине Аполлона устроили пение. Они пели лагерные песни о богах, ели сивуху и шутили, и самое забавное, что Анди больше не чувствовала, что на неё кто-то смотрит, что она просто одна из банды.

Ближе к вечеру, когда последние умирающие искры от костра устремились в звездное небо, снова прозвучал рожок, и все вернулись в свои хижины.

Анди закрыла большую дверь её хижины и увидела, что статуя, не теряя бдительности, смотрит на неё. Она схватила свой спальный мешок и начала перекладывать его, пока наконец не нашла место в углу, где статуя не могла её видеть. Она перетащила её вещи и плюхнулась в мешок.

Она порылась в своей сумке и нашла то, что немного согрело её сердце после такого тяжёлого дня. Достав свою палочку, она быстро наложила чары прилипания и поместила предмет, который так её утешал, - фотографию - на стену возле своей головы: "Скучаю по Вам, ребята". прошептала она людям, изображенным на фотографии.

Это была фотография её, Гермiony и Рона в конце первого года обучения, когда она вышла из лазарета. Она всё ещё носила несколько повязок на щеках и тому подобное, но её руки были обмотаны вокруг шей обоих лучших друзей, и она ухмылялась, как сумасшедшая. Рон улыбался своей глупой улыбкой, а Гермiona - её вежливой улыбкой, когда их головы были прижаты друг к другу. Это была не одна из тех трогательных фотографий, которые используют волшебники, поскольку она любила этот момент таким, какой он есть. Это был символ её первого испытания в жизни в качестве ведьмы.